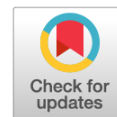

Цифровизация в понимании философии, права, политологии и экономики: междисциплинарный подход¹

Тимошенко Андрей Анатольевич,
профессор Университета
прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
доцент
E-mail: antim1@yandex.ru

Тимченко Анастасия Владимировна,
научный сотрудник
Лаборатории политико-правовых исследований
факультета политологии МГУ им. Ломоносова
E-mail: avtimchenko@centero.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровизации на различные сферы жизнедеятельности общества. Авторы анализируют понятие и суть цифровизации с позиций права, философии, политологии и экономики.

Цифровая сфера превращается в виртуальное пространство, не имеющее государственных территориальных границ, а следовательно, и юрисдикции национальных государств. Глобальная цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества становится реальностью.

Глобализируется цифровая экономика, цифровизируется государственное управление, создаются электронные технологии в сфере финансов, строятся «умные города» и «умные дома», право существенно отстает от новых вызовов цифровизации, не всегда своевременно реагируя на изменения общественных отношений, а философия осмысливает бытие человека в цифровом обществе в новую цифровую эпоху.

Ключевые слова: цифровизация, общество, цифровые технологии, искусственный интеллект, цифровые права, цифровая экономика, государственное управление.

Будущее человечества, несмотря на его неопределенность, ввиду возможности обострения экологических проблем, социальных потрясений, а также исчерпаемости природных ресурсов, за счет развития компьютерных технологий более или менее определено. Современный мир ожидает цифровизация всех сторон жизни общества. Государства, органы управления межгосударственными отношениями будут переходить на новую систему взаимоотношений, основанных на высоких технологиях.

Предполагается, что цифровизации будут подвергнуты естественнонаучные, социальные и гуманитарные сферы знания, включая его философские, правовые, политические, экономические аспекты. Все больше на слуху у исследователя такие понятия, как цифровые права человека, цифровое неравенство, цифровая

экономика, цифровое пространство, электронное голосование, дистанционное образование. Многие мероприятия постепенно переводятся в формат «онлайн», а в связи с пандемией COVID-19 такие явления приобрели массовый характер: все, что возможно было, переведено в электронный вид: удаленный формат трудовой деятельности, обучение в школах и ВУЗах, государственные и иные услуги. Можно констатировать, что от возможности перевода «в онлайн» зависит судьба многих компаний, особенно в сфере услуг. А для граждан цифровизация стала вопросом выживания.

В рамках статьи рассматривается отношение к цифровизации, которое демонстрируется в таких важных областях научного знания, как философия, экономика, право и политика.

Философия

С точки зрения философии, как онтологического знания, которое изучает влияние человека с его мировоззрением, цифровизация

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16151.

приобретает значение самостоятельного образа жизни индивида, с ней приходит новая культура — электронная [1, с. 253]. За счет нее все упрощается, происходит виртуализация: экономические, управленческие, социальные процессы для личности становятся проще воспринять.

В плане цивилизационного развития цифровизация позволяет построить особую форму техногенной цивилизации. Ее характерная черта — быстрое изменение техники и технологий благодаря систематическому применению в производстве научных знаний [2, с. 15]. Вершина техногенной цивилизации, по мнению В.С. Степина, — общество потребления, которое постепенно становится реальностью во всем мире². И пока альтернативы ему нет.

С развитием техногенной цивилизации на протяжении нескольких веков менялось общество, менялись ценности, традиционное распределение социальных ролей. Это касается и института семьи — традиционная нуклеарная семья (муж, жена, дети) с классическим распределением ролей и функций в XX и XXI вв. все больше трансформируется, роли и их модификации могут быть самыми различными. Появляются однополые семьи, состоящие из двух мужчин или двух женщин. Выбор пола становится одним из базовых соматических прав человека, в результате чего появляется новый вид человека — трансгендер — человек, у которого социальный и биологический пол не совпадают.

В производственных процессах и в сфере услуг человек, как рабочая единица, как трудящийся, уже не имеет прежней ценности, более того, технологии искусственного интеллекта позволяют легко заменить человеческий труд во многих профессиях.

Глобальные изменения идут быстрыми темпами, и в ближайшие два-три десятилетия на человечество, видимо, обрушится больше изменений, чем за последнюю тысячу лет [3, с. 145].

Усугубляется проблема уменьшения значимости и нужности человека в современной цивилизации — в цифровом обществе в некоторых профессиях человек полностью вытесняется. Он превращается в цифровую единицу — пользователя, совершающего цифровые действия. Постепенно происходит алгоритмизация человеческого бытия. Виртуальность становится характерной чертой современного технологического уклада [4, с. 398].

Многосторонний философский взгляд позволяет предугадать помимо обозначенных нами «открытых» явлений цифровизации ее «темную»

сторону, которая на сегодняшний день мало исследована, хотя такие попытки активно предпринимаются [5, с. 87]. Эта сторона представляет собой систему анонимизации пользователя, имеющего возможность благодаря ей получить доступ даже к тем ресурсам, к которым нет общего доступа. Эта некая параллельная виртуальная реальность, где отсутствуют законы национальных государств [24, с. 151-152], цензура. В этой системе человек реальный, несущий ответственность, исчезает, остается только образ пользователя.

Следовательно, с точки зрения философии, цифровое общество — это общество, в котором снижается степень ответственности за свою жизнь, а с другой стороны, от индивидов поступает запрос на упрощение восприятия окружающего мира и своего места в нем.

Право

Право является важным социальным регулятором наряду с нравственностью, обычаями, традициями. В разных формах право присутствует в любом современном обществе и государстве. Сегодня к традиционным социальным регуляторам, таким как мораль, религия, право, добавился еще один — программный код [6, с. 8], который ставит людей в определенные цифровые рамки, фиксируя их количество, собирая информацию, группируя и сохраняя сведения о людях, предметах, явлениях и процессах.

Некоторые ученые полагают, что искусственный интеллект способен и вовсе вытеснить право в качестве регулятора, заменив его на алгоритмы [7, с. 58]. Зарубежные исследователи допускают в будущем создание новых субъектов права, наделенных искусственным интеллектом, которые станут полноправными обладателями прав и обязанностей [8, р. 167]. Г.А. Гаджиев, рассуждая о возможности признания робота-агента «лицом» в праве, утверждает, что гражданское законодательство является эластичным, поэтому если вызовы будущего потребуют включения искусственного интеллекта в Гражданский кодекс в качестве лица, то вероятность такого правового оформления крайне высока [9, с. 25].

Право модифицируется, усложняется, растет число нормативных правовых актов, но в то же время многие процессы с переводом их в электронный формат существенно упрощаются. Цифровизация позволяет разработать и внедрить некие шаблонные схемы для удобства правоприменителей (например, стандартные формы договоров, учредительных документов, типовые задачи для юриста переводятся в электронный вид с возможностью нахождения в сети готового решения по многим вопросам). С началом массового применения цифровой подписи

² Степин В.С. На пороге третьей цивилизации // Первое сентября. № 76/2005. URL: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=200507609> (дата обращения: 25.09.2020).

личное присутствие контрагентов становится необязательным. Цифровой формат общения стирает границы между городами, государствами, континентами.

Цифровая сфера становится виртуальным пространством, не имеющим и не признающим государственных границ, соответственно, здесь не действует и юрисдикция национальных государств.

В юридических науках активно обсуждается новое поколение прав человека и гражданина — цифровые права, которые становятся объективной реальностью во всем мире, многие страны законодательно закрепляют на уровне конституций и законов права человека в цифровую эпоху (Кипр, Эстония, Португалия, Германия, Франция, Черногория, Турция и многие другие государства) [10, с. 43]. В Российской Федерации цифровые права также постепенно становятся правовой реальностью, однако существенно различаются в конституционном и гражданском праве.

К цифровым правам в конституционном праве Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин относит права на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности Интернета, право свободно общаться и выражать мнения в Сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) его уже оцифрованной персональной информации³.

Дефиниция цифровых прав нашла свое отражение в гражданском законодательстве⁴ в виде обязательственных и иных прав, содержание, условия и осуществление которых определяются в соответствии с правилами информационной системы. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

В целом цифровая сфера урегулирована в российском законодательстве весьма поверхностно, хотя неоднократно на самом высоком уровне обращалось особое внимание на необходимость создания передовой законодательной базы, снятия всех барьеров для разработки

и широкого применения робототехники, искусственного интеллекта, беспилотного транспорта, электронной торговли, технологий обработки больших данных⁵. Нормативная база, по мнению Президента РФ, должна постоянно обновляться, основываться на гибком подходе к каждой сфере и технологии, а также быть доступной для правоприменителей.

Развитие цифровых технологий требует создания условий для обеспечения своевременного их правового регулирования. Общие его принципы в настоящее время определяются нормами информационного права. По мнению видных представителей отраслевой доктрины Бачило И.Л., Федотова М.А., в предмет ее правового регулирования, помимо информации, входят также информационные технологии, которые представляют собой совокупность средств обработки информации⁶.

Таким образом, в Российской Федерации необходимая правовая база для учета изменяющейся цифровой реальности в основном сложилась (см. ст.ст. 1261, 1262 ГК РФ, а также положения Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁷ и др.). Однако с учетом развития отдельных технологий, возможностей машинного обучения, способов удаленного хранения и обработки информации (облачные сервисы, сетевые хранилища, программирование блокчейн систем) требуется еще более интенсивное юридическое регулирование уже сейчас возникающих проблем.

К числу таковых следует отнести следующие:

- оценка юридических последствий применения технологий искусственного интеллекта при принятии управленческих решений, если при этом допускаются серьезные ошибки и просчеты;
- создание для целей оказания помощи при осуществлении судебной деятельности специального программного обеспечения, позволяющего рекомендовать судье наиболее «законное» разрешение правовой ситуации, может привести к самоустранению судьи от обязанности самостоятельно

³ Зорькин В. Право в цифровом мире // Российская газета: Столичный выпуск. №7578 (115).

⁴ Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Послание Президента Российской Федерации от 01.03.2018 «Об основных направлениях внутренней и внешней политики государства» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (дата обращения: 21.09.2020).

⁶ Информационное право: учебник для вузов / И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин, М.А. Федотов; под ред. Б.Н. Топорнина. 2-е изд., с измен. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 173–174.

⁷ СПС КонсультантПлюс.

прийти к внутреннему убеждению относительно оценки обстоятельств, имеющих существенное значение для разрешения дела по существу⁸;

- на законодательном уровне целесообразно установить особые требования к безопасности применяемых технологий, исключющие «серое» использование цифровизации для получения сверхприбыли⁹;
- в случае активного внедрения новых компьютерных технологий в производственную деятельность, когда имеется угроза массового вытеснения человеческого труда деятельностью роботов, необходимо пересмотреть условия коллективных трудовых соглашений. Данное обстоятельство заставляет уже сейчас прорабатывать правовые механизмы субсидиарной материальной ответственности работодателя в виде выплаты увольняемому денежных компенсаций и пособий по безработице.

Подобные вопросы все чаще становятся предметом научных исследований в юридической литературе. Вектор развития научной мысли очевиден — обстоятельный анализ новых технологичных разработок и попытка «вписания» их в имеющиеся стандарты правового регулирования [11, с. 450].

Однако в любом случае правоприменительный процесс не должен выходить за пределы норм-принципов, образующих гуманитарный статус личности. Конституция Российской Федерации объявляет приоритет прав и свобод человека и гражданина (право на жизнь,

свободу и неприкосновенность, право на свободное распоряжение своим трудом). Новые технологии по определению не могут создавать условия для обхода охранительных норм права и злоупотребления частными предпочтениями.

Как показал период пандемии во многих государствах, в том числе и в Российской Федерации, право и законодательство не успевали за происходящим в странах и в мире. Обнаружились пробелы в правовом регулировании, многие управленческие решения не имели под собой законодательной основы. Более того, некоторые решения по ограничению прав граждан Российской Федерации вступили в противоречие с Конституцией РФ и законодательством. Оказалось, что глобальная и повсеместная цифровизация не всегда создает возможности для развития и совершенствования демократических процедур и расширения прав граждан, а напротив, во многом может ограничивать базовые права человека и гражданина.

Таким образом, можно констатировать, что с точки зрения права цифровизация рассматривается в контексте поиска инструментов, механизмов, которые помогают упростить и алгоритмизировать правовые процессы, создать стандарты и шаблоны. Внедрение цифровых технологий вносит структурные изменения в правовую сферу жизнедеятельности общества, формируя новую цифровую правовую реальность, во многом удобную для правоприменителей, для пользователей правовых услуг, но содержащую в себе и многие риски: всеобщую роботизацию правовых процессов, замену юристов искусственным интеллектом, возможность тотального цифрового ограничения прав и свобод граждан в случае необходимости.

Политология

В современном мире публичная политика, отношения государства и общества постепенно перемещаются в цифровое пространство. Традиционные СМИ утрачивают свое влияние, замещаясь «фабриками цифрового контента» [12, с. 7]. Современность не испытывает дефицита информации [13, с. 35].

Цифровизация в политической науке является не столько теоретическим абстрактным конструктом, сколько реально существующим в актуальной практике феноменом, который оказывает заметное влияние на политические процессы [12, с. 16]. При этом некоторые исследователи различают цифровизацию политики и политику цифровизации [14, с. 51]. Собственно, цифровизация политической сферы распространяет цифровые технологии на политические процессы, политические отношения, процессы принятия политических решений. Политика цифровизации является собой целенаправленную деятельность государства по переносу существующих

⁸ К примеру, попытка внедрения в федеральных судах и тюрьмах США обязательного учета «мнения» специальной компьютерной программы о возможности человека в будущем совершить преступление близка к провалу из-за необъективности выводов искусственного интеллекта. При этом предпочтение отдается учету расовых различий между людьми даже вопреки объективной необходимости более внимательного изучения пристрастия человека к наркотикам, склонности его к совершению аналогичных преступлений. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner R. Machine Bias. There's software used across the country to predict future criminals. And it's biased against blacks // ProPublica. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (дата обращения: 15.01.2020).

⁹ Например, технологии «блокчейн», используемые при создании криптовалют, до настоящего времени не прошли проверку на предмет возможного взлома. Так, уязвимость в сети Zcash (под таким брендом выпускается одноименное цифровое средство платежа) привели к возможности утечки данных владельцев финансовых аккаунтов, что значительно облегчает теневой доступ к финансовой информации (Новостное сообщение «Вы могли это пропустить: взлом на \$7 млн и уязвимость Zcash» // Официальный сайт информационного агентства «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news> (дата обращения: 16.01.2020).

практик политического процесса в электронный формат. Соответственно, цифровизация политики представляет собой экстерриториальный, трансграничный процесс, затрагивающий, по сути, все государства мира, в то время как политика цифровизации имеет четкие, как правило, национальные границы государств (а в качестве субъектов политического процесса цифровизации выступают государства, государственные образования, международные политические акторы).

Традиционные политические процессы и пространство публичной политики все больше цифровизируются [15, с. 24], а государство пытается взять эти процессы под свой контроль посредством цифровизации государственного управления, сбора больших данных, обработки и сбора полной информации о гражданах, явлениях, процессах, происходящих в государстве, чипизации транспортных средств, продукции, животных, создания возможностей для отслеживания местонахождения любого человека, предмета, выявления массовых предпочтений людей с помощью электронных технологий и систем искусственного интеллекта.

Группа исследователей РАНХиГС выделяет три основных этапа цифровизации в государстве [16, с. 31]. На первом этапе происходит автоматизация государственной системы управления, которая представляет собой внедрение различных IT-механизмов и услуг. Второй этап представляет собой диджитализацию, при которой все процессы улучшаются посредством оптимизации IT-технологий, анализируются данные для принятия решений. Цифровая трансформация представляет собой третий этап цифровизации государственного управления. На этом этапе появляются новые модели деятельности, создаются новые продукты и процессы принципиально иного уровня и качества.

В социологических и политических науках большую популярность приобрела концепция «государство как платформа» [17], которая рассматривает процесс цифровизации государственного управления как соединение поставщиков и потребителей государственных услуг, как организацию сетевого взаимодействия в системе государственного управления. Конструкт «государство как платформа» активно внедряется в разных странах, где создаются электронные правительства, такие структуры образованы, к примеру, в США (инициаторы и первопроходцы в этой сфере — ими в 2002 г. принят Закон об электронном правительстве, E-Government Act of 2002)¹⁰, в Великобритании (где исследовате-

ли разработали «платформу оценки платформ» применительно к инициативам правительства Великобритании в сфере цифровизации)¹¹ и в России (в соответствии с Национальной программой «Цифровая экономика» сформирован Федеральный проект «Цифровизация государственного управления», сроки реализации которого с 2018 по 2024 г.)¹². Российская Федерация находится на 33-й строчке мирового рейтинга по развитию электронных правительств (в лидерах рейтинга — Дания, Австралия, Южная Корея и Великобритания, США занимают 11-е место)¹³.

По мнению группы исследователей ВШЭ, создание цифрового (электронного) правительства (digital government) является целью цифровой трансформации государственного управления. Основа такого виртуального органа власти — клиентоориентированность власти для граждан. Поэтому в сфере государственного управления должны быть максимально развиты и осуществляться принципы так называемого «гибкого управления» (agile), которые предполагают эффективную и работающую обратную связь при реализации государством различных программ, мероприятий, проведении реформ и оценки нововведений, степени их удобства и пользы для граждан [18].

В политической науке цифровизация затрагивает три сферы:

1. Информационное обеспечение при принятии решений.

Цифровизируется традиционное информационное взаимодействие в политической системе. Искусственный интеллект может обеспечить сбор информации, статистику, структурирование информации, бесперебойную подачу необходимой информации политическим акторам. Однако полностью заменить человека в этой сфере пока вряд ли возможно, поскольку посредством аналитической и умственной деятельности человека информация приводится

обращения: 24.09.2020).

¹¹ Brown A., Fishenden J., Thompson, M. Venters, W. (2017). Appraising the Impact and Role of Platform Models and Government as a Platform (Gaap) in UK Government Public Service Reform: Towards a Platform Assessment Framework (PAF). Government Information Quarterly. URL: <https://www.repository.cam.ac.uk/handle/1810/264950> (дата обращения: 20.09.2020).

¹² Указ Президента РФ №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 22.09.2020)

¹³ Исследование ООН: электронное правительство 2018. URL: <https://publicadministration.un.org/publications/content/PDFs/UN%20E-Government%20Survey%202018%20Russian.pdf> (дата обращения: 24.09.2020).

¹⁰ US Government. Digital Government: Building a 21st Century Platform to Better Serve the American People. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/omb/egov/digital-government/digital-government.html> (дата

в вид, оптимальный для принятия решений. Этим занимаются аналитические службы, экспертные центры. Искусственный интеллект не может полностью заменить аналитиков и экспертов, но может существенно упростить их работу.

2. Автоматизацию процессов, возникающих при управлении государством и взаимодействии акторов политического процесса.

Деятельность органов государственной власти нельзя полностью открыть. Всегда есть закрытая составляющая, не терпящая публичности. Поэтому создание таких цифровых проектов, как «электронное правительство», «государство как платформа», позволяет, с одной стороны, сократить дистанцию между государством и населением, но с другой стороны, сохраняет четкую границу, пределы допустимого. У власти есть ясное понимание, что может быть открыто, а что не должно попасть в публичное пространство ни при каких обстоятельствах.

Современные бюрократические системы все больше тяготеют к самоизоляции, и цифровые проекты при реализации упираются в закрытые части, в те элементы политических сетей, которые не могут стать публичными. Возможности развития цифровых проектов и систем искусственного интеллекта в рамках политических систем ограничены инструментальной ролью, то есть они могут стать хорошим инструментарием, коммуникативным элементом между органами власти, гражданским обществом, населением, но в более глубокие сетевые взаимодействия и в сферу принятия решений им не проникнуть, поскольку они не в силах заменить лиц, принимающих решения. В принятии решений всегда есть серая зона, есть факторы, которые не могут быть замещены (у любого политического лидера важный фактор при принятии решений — доверие к тем людям, с которыми он работает в политической системе).

3. Формирование политическими акторами в процессе публичной политики идейной основы, политической пропаганды с использованием цифровых технологий (так называемая «битва за умы»), когда определенные идеологические или политические конструкции влияют на умонастроение населения.

Цифровые технологии здесь имеют большие возможности по селектированию предпочтений людей, выявлению и структурированию их мнений. Такие технологии используются при организации и проведении выборов, референдумов, предвыборных агитаций, выяснения степени доверия населения к органам власти, при популяризации проводимых реформ и проектов, введении новшеств в жизнедеятельность общества, особенно в политическую сферу.

Цифровые инструменты в публичной политике активно развиваются, в то же время они не могут изменить основные элементы политических процессов, их сложившуюся структуру. Они, как правило, механистичны и не затрагивают процессы государственного управления, процессы принятия решений как таковые. Они их просто оформляют, дополняют новыми элементами, сокращают дистанцию между государственными институтами и гражданским обществом.

Экономика

В целом, экономические процессы, направленные на управление хозяйством, похожи на политические. Наблюдается общий мировой тренд — становление цифровой экономики. В развитых странах оно идет более быстрыми темпами, но, так или иначе, цифровизация экономической сферы затрагивает все страны и континенты. Цифровой подход позволяет управлять полным жизненным циклом практически любой вещи: от разработки проекта и воплощения в жизнь до утилизации [19]. В мире создаются «умные дома», целые инновационные «умные города» (умный город Сонгдо, Южная Корея), дома с помощью цифровых технологий можно распечатывать на 3D принтере (такие проекты очень популярны в штате Калифорния, США). Глобальная экономика переориентируется в цифровой формат, становясь «глобальной цифровой экономикой».

В российской и международной практике не сложилось единой дефиниции, единого подхода к определению термина «цифровая экономика». Следует отметить, что сам термин обозначает не только непосредственно процессы в экономике и ее отдельных отраслях, но и представляет собой отдельную отрасль знаний, современное направление экономической теории, изучающей функционирование цифровых рынков, интернет-платформ и внедрение новых технологий в экономическую сферу.

Б. Паньшин выделяет два основных подхода к определению понятия «цифровая экономика»: классический подход, предполагающий экономику, основанную на цифровых технологиях (развитие электронных услуг и дистанционных технологий), и расширенный подход, при котором под цифровой экономикой понимается экономическое производство с использованием цифровых технологий (Интернет вещей, умная фабрика, сети, связь пятого поколения и т. д.) [20, с. 51].

По мнению Р. Мещерякова, к термину «цифровая экономика» существует два подхода. Первый подход классический: цифровая экономика — это экономика, основанная на цифровых

технологиях, и при этом правильнее характеризовать исключительно область электронных товаров и услуг. Второй подход расширенный: цифровая экономика — это экономическое производство с использованием цифровых технологий¹⁴.

Всемирный банк исследует различные аспекты цифровой экономики и в Докладе о развитии цифровой экономики в России под цифровой экономикой понимает экономику, в которой благодаря развитию цифровых технологий наблюдается рост производительности труда, конкурентоспособности компаний, снижение издержек производства, создание новых рабочих мест, снижение бедности и социального неравенства¹⁵.

Зарубежные исследователи дают свою трактовку понятия цифровой экономики, понимая ее как часть общего объема производства, целиком или в основном созданного на базе цифровых технологий фирмами, бизнес-модель которых основывается на цифровых продуктах или услугах [21]. Дефиниция довольно широкая, но достаточно гибкая, чтобы учитывать развитие цифровых технологий и цифрового бизнеса в будущем.

Исследовательская группа НИУ ВШЭ отмечает важность определения понятия цифровой экономики и описания ее границ, поскольку это позволит выстроить единую многофункциональную систему статистического измерения цифровой экономики для полномасштабного мониторинга, обоснования и оценки политики в данной сфере [18, с. 14].

В российском законодательстве также нет единообразного понимания и правового измерения «цифровой экономики». В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая вышла за рамки исключительно экономической сферы. В рамках программы действуют несколько федеральных проектов, направленных на цифровизацию различных сфер жизнедеятельности общества: нормативное регулирование, кадры для цифровой экономики, цифровые технологии, информационная инфраструктура,

информационная безопасность и цифровое государственное управление¹⁶.

Цифровая экономика в целом и отдельные ее аспекты являются новыми объектами теоретического конструирования и научно-экспертного анализа. В научных экономических кругах пока нет четкой и однозначной дефиниции «цифровой экономики», требуют научного осмысления и правового регулирования вопросы, связанные с цифровизацией экономико-финансовой сферы: новые виртуальные промышленные технологии, LegalTech, FinTech и многие другие системы искусственного интеллекта [22, с. 155].

Для государства и общества цифровая экономика, как и любое явление, имеет свои преимущества и недостатки, а также некоторые риски. К безусловным плюсам цифровизации экономической сферы можно отнести оптимизацию многих процессов производства в связи с переводом их в электронный формат (роботизация производства), рост производительности труда за счет снижения риска «человеческих факторов» (возможность больничного, отпуска, декретного отпуска, временной нетрудоспособности, ошибок и других рисков «человеческого фактора»), централизацию управления процессами производства, подконтрольность налогообложения, учета, аудита.

Однако существуют и негативные аспекты тотальной цифровизации экономической сферы во всем мире. Роботизация процессов производства и сферы услуг приводит к исчезновению профессий, потребность в человеческом труде постепенно снижается, вследствие чего растет безработица. Технологии блокчейна лишают человека ценности и стоимости денег. Получается, что деньги становятся полностью виртуальной структурой и их не существует физически. Возникает угроза и риски для системы национальной информационной (кибербезопасности), в том числе в сфере финансов, коммерческой тайны, государственного управления (включая вопросы, составляющие государственную тайну), транспортной и энергетической инфраструктуры, которые могут стать объектами для кибертерроризма.

Система ресурсного обмена перестает зависеть от регуляторов национальной экономики. Национальные органы управления экономикой теряют свой суверенитет и в экономической системе не могут влиять на процессы ресурсного обмена. Они активно выводятся за пределы управления (блокчейн, криптовалюта).

Экономические представления о цифровизации позволяют решить конкретные задачи управления экономикой не только со стороны

¹⁴ Мещеряков Р. Для перехода к цифровой экономике должна смениться парадигма мышления. URL: <https://tusur.ru/ru/novosti-i-meropriyatiya/novosti/prosmotr/-/novost-proektor-tusura-r-mescheryakov-dlya-perehoda-ksifrovoy-ekonomike-dolzha-smenitsya-paradigma> (дата обращения: 25.09.2020).

¹⁵ World Bank (2016) Digital Dividends: World Development Report 2016, Washington, DC. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016> (дата обращения: 22.09.2020).

¹⁶ СПС КонсультантПлюс.

государственного сектора, но и за счет деятельности частных структур, пытающихся упростить доступ к ресурсам и материальным благам.

Проведенный анализ некоторых подходов к цифровизации, сформировавшихся в философии, праве, политике и экономике, позволяет выделить некое общее начало, характерное для прикладных сфер знания, — стремление к утилитарному использованию новых технологий. При этом именно представители правовой мысли стали задумываться о безопасности таких технологий.

Особенность философского подхода к проблематике в глобальности прогнозируемых с приходом цифры в жизнь человека изменений. Вывод вопроса на уровень цивилизационного понимания окружающего мира, ожидание его глобального изменения позволяют поставить философов на уровень первооткрывателей будущего человечества.

Представителям правовой, экономической и политической мысли остается только играть роль догоняющих. Мир вступил в цифровую эпоху, поэтому государство, общество, наука должны оперативно реагировать на новые вызовы времени. Очевидна необходимость теоретического осмысления феномена цифровизации во всех областях научного знания, нужен правовой ответ стремительному развитию систем искусственного интеллекта, но современная правовая база, как правило, отстает от развития цифровых технологий. Главное достижение науки состоит в том, что она, несмотря на свой в том числе негативный опыт, дает этот самый опыт [23, с. 47]. В философии человек растворяется в цифровизации, в праве цифровые права размывают правовое поле, в политологии и экономике нет четких контуров и пределов нового цифрового опыта.

Цифровые технологии упрощают технологические процессы, но не отменяют необходимость осознания, мыслительной деятельности, прогнозирования. Искусственный интеллект на это не способен.

В каждой из наук цифровые технологии делают видимыми все недостатки как реальных процессов администрирования и управления, так и процессов теоретического моделирования. Теоретические модели получают более быструю эмпирическую проверку. Поэтому в рамках использования цифровых технологий при увеличении качества научной рефлексии вполне возможно повышение качества механизмов государственного управления, правового регулирования, отправления правосудия, подготовки законодательных актов, а также прогнозирования экономических процессов.

Чем более смелыми будут предложения относительно использования цифровых технологий в прикладной сфере знания в будущем, тем больше будет у человечества возможностей подготовиться к изменениям.

Список литературы

1. Касавина Н.А. Цифровизация как предмет междисциплинарных исследований // Эпистемология и философия науки 2019. Т. 56. № 4. С. 251–259.
2. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
3. Кинг Б. Эпоха дополненной реальности. М.: Олимп-Бизнес, 2018.
4. Бочкарев С.А. Философия уголовного права: постановка вопроса: монография / С.А. Бочкарев. М.: Норма, 2019.
5. Бартлетт Дж. Подпольный интернет: темная сторона мировой паутины. М.: Эксмо, 2017. 352 с.
6. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровизации. СПб.: СПбГУП, 2019.
7. Дремлюга Р.И., Кошель А.С. Искусственный интеллект как социальный регулятор: за и против // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. Т. 20. №3. С. 55–68.
8. Solaiman, S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25, iss. 2. P. 155–179.
9. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1(253). С. 15–30.
10. Талапина Э.В. Права человека в интернете // Журнал российского права 2019. № 2(266). С. 41–54.
11. Малышкин А.В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2019. Т. 10. Вып. 3. С. 444–460.
12. Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. №13(2). С. 6–24.
13. Бочкарев С.А. Гносеология уголовного права: постановка вопроса // Государство и право. 2020. № 9. С. 33–40.
14. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 47–68.
15. Jesper Strömbäck, Monika Djerf-Pierre Dynamics of Political Interest and News Media Consumption: A Longitudinal Perspective // International Journal of Public Opinion Research. № 25(4). P. 414–435 DOI: 10.1093/ijpor/eds018.

16. Государство как платформа: люди и технологии // Под общ. ред. Шклярук М.С. / РАНХиГС. М., 2019.
17. Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Синятулина Л.Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Государственная служба. 2018. № 3. Т. 20. С. 31–60.
18. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение Ч-80: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 29–31.
19. Юдина Т.Н., Тушканов И.М. Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства и политической экономии // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. Январь-февраль № 1(109) М., 2017. С. 193–200.
20. Паньшин Б. Цифровая экономика: понятие и направления развития // Наука и инновации. 2019. № 3(193). С. 48–55.
21. Bukh R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy. Global Development Institute working papers. 2017. № 68.
22. Смирнов Д.А., Богашева Л.Э., Леонов А.Н. Трансформация финансово-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. С. 152–156.
23. Бочкарев С.А. Парадоксы экономической теории в восприятии правосудия // Российский журнал правовых исследований. №1(22). 2020. С. 39–50.
24. Печегин Д.А. Крипториски // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 4. № 3(12). С. 151–157.

Digitalization in the Understanding of Philosophy, Law, Political Science, and Economics: An Interdisciplinary Approach¹

Tymoshenko Andrey,

PhD in Law, University Professor
Prosecutor's Office of the Russian Federation
E-mail: antim1@yandex.ru

Timchenko Anastasia,

Laboratory for Legal-Policy Studies Researcher
Political Science Department
Lomonosov Moscow State University
E-mail: avtimchenko@centero.ru

Abstract. *This article discusses the influence of digitalization on diverse social activity spheres. The authors analyze the essential notions of digitalization with regard to philosophy, law, political science, and economics. The digital sphere becomes virtual space without understanding and recognizing territorial and hence, nation-state, jurisdiction. Global digitalization for all social spheres becomes a reality.*

Nowadays, the digital economy is globalizing, the public administration is digitalizing, electronic technologies in finance are developing, and smart cities are being created. Law lags significantly behind new digitalization challenges and does not always react swiftly with regard to social interaction dynamics. Philosophy conceptualizes human existence in digital society in the new digital era.

Keywords: *digitalization, society, digital, artificial intelligence, digital rights, digital economy, public administration..*

References

1. Kasavina N.A. Digitalization as a subject of interdisciplinary research. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2019;56(4):251-259. (In Russ.).
2. Stepin V.S. Scientific knowledge and values of technogenic civilization. *Problems of Philosophy*. 1989;(10):3-18. (In Russ.).
3. King B. The era of augmented reality. Moscow: Olimp-Business, 2018. (In Russ.).
4. Bochkarev S.A. Philosophy of Criminal Law: Statement of the Question. Moscow: Norma, 2019. (In Russ.).
5. Bartlett J. The Underground Internet: The Dark Side of the World Wide Web. Moscow: Eksmo, 2017. 352 p. (In Russ.).
6. Khabrieva T.Ya. Law in the context of digitalization. Saint-Petersburg: SPbGUP, 2019. (In Russ.).

¹This study carried out under RFBR research financial support project number 18-29-16151.

7. Dremlyuga R.I., Koshel A.S. Artificial intelligence as a social regulator: pros and cons. *Asia-Pacific region: economics, politics, law*. 2018;20(3):55-68. (In Russ.).
8. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy. *Artificial Intelligence and Law*. 2017;25(2):155-179.
9. Gadzhiev G.A. Is the robot agent a face? (Search for legal forms for regulating the digital economy). *Journal of Russian Law*. 2018;1(253):15-30. (In Russ.).
10. Talapina E.V. Human rights on the Internet. *Journal of Russian Law*. 2019;2(266):41-54. (In Russ.).
11. Malyshkin A.V. Integration of artificial intelligence into public life: some ethical and legal problems. *Bulletin of St. Petersburg State University*. 2019;10(3):444-460. (In Russ.).
12. Volodenkov S.V. Transformation of modern political processes in the context of society digitalization: key scenarios. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2020;13(2):6-24. (In Russ.).
13. Bochkarev S.A. Epistemology of criminal law: posing the question. *State and law*. 2020;(9):33-40. (In Russ.).
14. Konkov A.E. Digitalization of politics vs policy of digitalization. *Bulletin of St. Petersburg University. International relationships*. 2020;13(1):47-68. (In Russ.).
15. Jesper Strömbäck, Monika Djerf-Pierre. Dynamics of Political Interest and News Media Consumption: A Longitudinal Perspective. *International Journal of Public Opinion Research*. 2013;25(4):414-435 DOI: 10.1093/ijpor / eds018.
16. State as a platform: people and technologie. Under the general. ed. Shklyaruk M.S. RANEP. Moscow, 2019. (In Russ.).
17. Styrin E.M, Dmitrieva N.E, Sinyatullina L.Kh. State digital platforms: from concept to implementation. *State service*. 2018;3(20):31-60. (In Russ.).
18. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement of Ch-80: reports. to XX Apr. int. scientific. conf. on the problems of economic and social development, Moscow, April 9–12. 2019. G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg and others. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2019. P. 29-31. (In Russ.).
19. Yudina T.N., Tushkanov I.M. Digital economy through the prism of philosophy of economy and political economy. *Philosophy of economy. Almanac of the Center for Social Sciences and the Faculty of Economics*. Moscow State University Lomonosov. 2017;1(109):193-200. (In Russ.).
20. Panshin B. Digital economy: concept and directions of development. *Science and innovations*. 2019;3(193):48-55. (In Russ.).
21. Bukh R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy. Global Development Institute working papers. 2017. № 68.
22. Smirnov D.A., Botasheva L.E., Leonov A.N. Transformation of financial and legal relations in the digital economy. Humanitarian and legal research. 2019. P. 152-156. (In Russ.).
23. Bochkarev S.A. Paradoxes of economic theory in the perception of justice. *Russian Journal of Legal Research*. 2020;1(22):39-50. (In Russ.).
24. Pechegin D.A. Cryptorisks // Russian journal of legal research. 2017; Vol. 4. № 3(12). P. 151-157 (In Russ.)

